СОВЕТСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Рубинштейн С.Л.

Впервые опубликовано в журнале «Под знаменем марксизма». 1943, № 9-10. С. 45-61.

Великая Отечественная война поставила перед советской психологией, как и перед другими отраслями нашей советской науки, задачи исключительного значения. Советская психология подошла к разрешению этих задач, обогащенная напряженными исканиями теоретической мысли и многообразными теоретическими и экспериментальными исследованиями, проведенными за 25 лет ее существования в условиях революционной ломки старых устоев и строительства новой жизни.

Советская психология начинала свой путь в то время, когда мировая психологическая наука (с которой русская психология всегда находилась в теснейшей связи) вступила в полосу кризиса. Этот кризис, как и кризис физики, о котором писал Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», как и кризис других наук от литературоведения до математики, - был, по существу, методологическим, философским кризисом. В психологии он принял особенно острые формы, обусловленные особенностями ее предмета, связанного с самыми острыми, мировоззренческими проблемами. В психологии в связи с этим особенно воинствующие и грубые проявления получил как идеализм, так и механицизм Задача построения системы советской психологии на новой марксистско-ленинской философской основе, естественно, потребовала длительной, напряженной теоретической и экспериментальной работы, соединенной с упорной борьбой против вульгарного, механистического материализма, с одной стороны, и традиционного идеализма и интроспекционизма, несовместимого с подлинно научным построением психологии, - с другой. Вначале, прежде чем принципы марксистско-ленинской диалектики были претворены советской психологией в содержание психологической науки, борьба против идеализма традиционной психологии велась с ложных, механистических позиций вульгарного материализма. Так, традиционной идеалистической психологии сознания было противопоставлено механистическое «поведенчество». Целиком разрывая историческую преемственность в развитии мировой философско-психологической мысли, представители «поведенчества» попытались подменить психологию «рефлексологией», «реактологией» и тому подобными мимолетными порождениями мысли, свернувшей с основных путей исторического развития науки в бесперспективные тупики. Исходя из вреднейшей и ничего общего с марксизмом не имеющей установки, согласно которой материализм будто бы требует сведения психологии к физиологии, сделана была попытка таким образом, по существу, ликвидировать психологию как науку.

Проявившееся в этом мнимом радикализме неумение понять и оценить значение и силу традиций, которыми живет наука, отлично уживалось иногда с таким же неумением действительно сломать отжившие традиции и установки, которые, устарев, превратились в тормоз для развития науки, и создать свои новые установки; рефлексология и реактология, смыкаясь с американским бихевиоризмом, повторяли лишь в несколько подновленном виде старые ошибки вульгарного материализма Бюхнера и Молешотта. Точно так же на предшествующих этапах развития советской психологии сделан был и ряд других, смыкающихся с модными течениями зарубежной психологии попыток разрешить кризис психологии, не выходя за пределы тех традиционных представлений, которые этот кризис теоретически обусловили.

Потребовалась напряженная работа и порой острая борьба, прежде чем была полностью осознана и разрешена подлинная проблема, которая встала перед советской психологией. Задача же эта заключалась в том, чтобы, сохраняя историческую преемственность развития научной мысли, но не ограничиваясь, как этого хотели бы сторонники старой психологии, мелочными коррективами к давно уже отжившим традициям и принципиально порочным идеалистическим и механическим установкам, создать на основе марксистско-ленинской диалектики

новые установки и проложить новые пути для разрешения основных проблем психологической мысли: природы и развития сознания, мотивов человеческой деятельности, путей формирования личности и ее психологических свойств.

Для разрешения первой, центральной для психологии проблемы сознания потребовалось прежде всего позитивное преодоление той идеалистической интроспективной концепции, которая, будучи оформлена Декартом, в течение столетий господствовала в традиционной идеалистической психологии. Один из основоположников современного механистического естествознания, сторонник натуралистического объяснения поведения, который первым ввел понятие рефлекса, – Декарт – заложил вместе с тем основы того интроспективного понятия сознания, которое стало узловым понятием кризиса психологии в XX столетии. Сознание превращалось в замкнутый внутренний мир, недоступный для объективного наблюдения; в него проникают лишь путем самонаблюдения, отрекаясь от практических дел ради самосозерцания. Сознание отрывается от поведения, от практической деятельности, в ходе которой складываются реальные, материальные взаимоотношения человека с объективным внешним миром; оно превращается в сферу чистой субъективности. С другой стороны, поведение человека, оторванное от сознания, превращается в совокупность реакций. Вся «поведенческая» психология различных видов и толков, которая в кризисе психологии противопоставила себя идеалистической психологии сознания, была на самом деле лишь оборотной стороной все той же идеалистической интроспективной психологии сознания; бездейственная сознательность, с одной стороны, и бессознательная действительность слепых реакций – с другой, были лишь двумя проявлениями одного и того же, картезианского разрыва.

Перед советской психологией встала задача не противопоставлять одну из этих антитез другой и не сочетать их эклектически, а преодолеть ту общую основу, на которой все эти порочные антитезы возникли. Советская психология разрешает эту задачу, опираясь на учение марксизма-ленинизма. Исходя из подлинно научных методологических предпосылок, советская психология вскрывает единство сознания и деятельности человека и разрабатывает новое учение о сознании как единстве переживания и знания. Опираясь на ленинскую теорию отражения, она в своем конкретно-психологическом плане реализует то положение, что сознание – это осознанное бытие (Маркс), т. е. не чистая, абстрактная субъективность, а единство субъективного и объективного и — в своей общественной сущности — единство личностно- и общественно-значимого.

Единство сознания и деятельности человека открывает путь В: и для отправляющегося от действий человека объективного научного изучения его психики, и для углубленного анализа психологического содержания его деятельности в диалектике ее сознательных целей и не всегда осознанных мотивов. Таким образом открылся путь для построения подлинно научной психологии, органически, в самых своих основах связанной с конкретными вопросами практической жизни.

В общем идеологическом плане не меньшее значение приобретает наше понимание путей развития личности и формирования ее психических особенностей – способностей, характерологических свойств: в конкретной деятельности, в труде, в процессе общественной практики у взрослых, в ходе воспитания и обучения у детей, психические свойства людей не только проявляются, но и формируются. Практика советской жизни дает на каждом шагу богатейший фактический материал, свидетельствующий о том, как на работе – в учебе и труде – развертываются и отрабатываются способности людей. Об этом свидетельствует беспрерывный подъем на самые вершины научного и художественного творчества все новых дарований из толщи рабочего класса, из народных масс прежде в царской России угнетенных национальностей. Эти дарования глохли и гибли, когда им не давали проявляться; свободно проявляясь, они сейчас широко и мощно развиваются. Это факты, мимо которых подлинная наука никак не может пройти. Вызванные к жизни всем социально-экономическим строем Советского Союза факты переделки людей и развития их способностей являются бьющим, разительным ответом советской действительности и советской науки на лженаучные фашистские измышления о «высской действительности и советской науки на лженаучные фашистские измышления о

ших» и «низших» расах, о крови и расе как решающих факторах, предопределяющих возможности индивида и его судьбы — их так называемые антропологические, а в действительности зоологические представления о человеке как экземпляре высшей или низшей породы. Этому их зоологическому «антропологизму» противостоит сейчас наш подлинный гуманизм.

Разрешение этой проблемы формирования личности в процессе ее конкретной практической и теоретической деятельности приобретает основное значение для постановки всех проблем нашей психологии. При их разрешении советская психология исходит из нескольких основных принципов, на которых строится вся ее и теоретическая и практическая работа. Этими основными принципами являются прежде всего принцип психофизического единства и принцип развития в его диалектико-материалистическом понимании, затем принцип историзма применительно к развитию человеческого сознания, наконец, сформулированное выше положение о единстве сознания и деятельности в его многообразных теоретических и методических проявлениях. Основная задача заключалась в том, чтобы претворить эти общие методические положения в конкретное содержание психологической теории. Эта задача в основном разрешена. В итоге теоретической и экспериментальной работы последних лет система советской психологии в основных ее чертах оформилась.

Основные установки советской психологии не могли не сказаться и на ее проблематике. Придавая очень большое значение подлинно функциональному анализу в плане психофизиологическом, современная советская психология вместе с тем поднимается над ним и включает его как компонент в более сложный план изучения сложных форм поведения в их развитии и распаде и различных конкретных видов деятельности – учебной и профессиональной. В этой связи новое значение приобретает разработка целого цикла специальных областей психологии, связанных с деятельностью музыканта, актера, врача, изобретателя. Такая ориентация психологического исследования сказывается также в новой трактовке старых «классических» проблем, начиная от психофизиологии ощущения и движения и кончая психологией мышления и речи. Над всеми частными вопросами, объединяя их и придавая им новое содержание, поднимаются большие, узловые проблемы психологической науки – проблема сознания, его строения и развития, взаимоотношения в нем общественного и личностного, идеологии и психологии. Этот последний вопрос преломляется как проблема психологического и логического - в мышлении и речи, как проблема психологического и морального - в мотивах человеческого поведения. Снова в центре психологического исследования оказываются большие теоретические философско-психологические проблемы и вместе с тем проблемы, разрешение которых имеет практическое, действенное значение. В своих основных, ведущих звеньях цепь этих проблем смыкается в едином круге. В связи с этими основными проблемами в новом свете и с новым значением выступают и все частные вопросы.

Общие методологические установки советской психологии не могли не проявиться и в методике исследования, в которой изучение и воздействие сочетаются друг с другом, а также и в построении исследований, в которых теоретические обобщения и практические приложения образуют как бы две стороны единого процесса.

В методике психологического исследования преодолевается тот порочный объективизм, который видит объективность научного познания в бездейственной созерцательности. В действительности мы глубже всего познаем мир, изменяя его. Положение о взаимодействии изучения и воздействия является одним из основных и наиболее специфических методологических принципов методики нашего психологического исследования. Оно было сперва конкретно реализовано в целом ряде исследований применительно к изучению и обучению: изучать детей, обучая их, и обучать, изучая, — таков был основной мотив естественного эксперимента нового типа, введенного в практику психолого-педагогического исследования в своей обобщенной форме это положение об изучении явлений в процессе воздействия на них распространяется на ряд и иных областей. Так, например, при изучении патологических явлений терапевтическое воздействие на них становится не только средством для их выправления, но

и путем более глубокого их познания. Эти положения, сформулированные еще до войны с фашистской Германией, получили в военное время конкретное воплощение в работе психологов в восстановительных госпиталях.

Такое построение методики психологического исследования имеет и предпосылкой своей и следствием новое отношение психологии к практике. Новый путь, который советская психология проложила себе к вопросам практики в различных ее областях, органически связан с ее основными, принципиальными установками. Абстрактно-функциональная психология конца прошлого столетия пыталась подойти к решению психологических проблем, встающих в практической деятельности людей, путем приложения к ним извне абстрактных положений, добытых вне учета условий, в которых протекает эта деятельность. Именно в попытке так подойти к решению практических проблем традиционная функциональная психология и зашла в тупик. Психология в СССР переориентируется на изучение психики, сознания в тех конкретных условиях, в которых протекает деятельность человека. В ходе единого исследования одновременно добываются положения, имеющие непосредственное практическое значение, и вместе с тем в нем же вскрываются подлинно содержательные общие закономерности. Советская психология строится как «реальная» наука, в самых исходных своих позициях органически связанная с конкретными вопросами практической жизни.

Таким образом, Великая Отечественная война застала советскую психологию теоретически созревшей и подготовленной для разрешения тех задач, которые встали перед ней в связи с запросами военного времени. В условиях Великой Отечественной войны против фашистских захватчиков советские психологи, охваченные тем же патриотическим порывом, который объединяет и вдохновляет всех советских людей, сочли своим прямым патриотическим долгом направить свою научную работу на помощь делу обороны нашей родины, на помощь фронту.

* * *

Непосредственную помощь боевой деятельности армии психологическая работа оказывает прежде всего исследованиями по психофизиологии зрения и слуха. Они дают возможность существенно улучшить постановку маскировки, разведки, наблюдения. Так, например, исследования, проведенные сотрудником нашего Института психологии Л. А. Шварц, обнаружили, что у наблюдателей на зенитных точках ПВО при некоторых условиях могут существенно нарушиться как устойчивость ясного видения, так и в особенности слуховая чувствительность. Исследование обнаружило причину этого исключительного, в литературе до сих пор не отмечавшегося снижения чувствительности. Она оказалась устранимой. В результате открылась возможность вдвое, а то и вчетверо повысить чувствительность и эффективность наблюдения на постах ПВО. В этом плане целый ряд практических задач разрешаются психофизиологическим исследованием.

Так, лабораторией психофизиологии нашего института психологии (заведующий – проф. К. Х. Кекчеев) были разработаны методы борьбы с ослеплением глаз светом прожекторов, методы борьбы со снеговой ослепимостью (проф. С. В. Кравков), методы ускорения периода темновой адаптации, сенсибилизации слуха и зрения и уточнения глазомерной оценки расстояния, методы тренировки различения быстро движущихся объектов, методы определения бинауральной способности, методы звукомаскировки и т. д. Таким образом, психофизиология органов чувств была поставлена на службу делу обороны нашей страны. Практическая эффективность этих исследований существенно зависит от того, что изучение чувствительности, одно время замкнувшееся в рамках одной лишь физиологии, снова стало у нас разрабатываться в плане психофизиологии². В этой пограничной, промежуточной, переходной области психофизиологии особенно явственно выступает неразрывная связь между психологией и физиологией. В такой трактовке проблемы сенсорной чувствительности получает свое конкретное осуществление принцип психофизического единства, из которого исходит наша психология.

В боевой деятельности, как и в каждой вообще конкретной, реальной деятельности, участвует не только орган сам по себе, а весь человек, и самая работа его органов чувств суще-

ственно зависит от общего его психологического состояния и направленности. Экспериментальное исследование показывает, что даже такие, обусловленные в основном, казалось бы, периферическими факторами явления, как снижение световой чувствительности периферического зрения в ходе темновой адаптации, вызванное предварительным «засветом» периферии сетчатки, существенно зависят от центральных психологических факторов и могут быть (как показывает проводимое в Институте психологии исследование Е. Н. Семеновской) сняты при напряжении внимания.

Пороги чувствительности не представляют собой абсолютной, неизменной величины, раз и навсегда предопределенной органом самим по себе. Они существенно сдвигаются в зависимости от отношения человека к той задаче, которую он разрешает, дифференцируя те или иные чувственные данные. Один и тот же физический раздражитель, раздражитель физически одной и той же интенсивности, может оказаться ниже и выше порога чувствительности и, таким образом, быть или не быть замеченным, в зависимости от того, какое значение он приобретает для человека, — появляется ли он как безразличный для данного индивида момент его окружения или становится имеющим определенное значение показателем существенных условий его деятельности.

Поэтому, для того чтобы исследование чувствительности дало сколько-нибудь законченные результаты и привело к практически значимым выводам, оно должно, не замыкаясь в рамках одной лишь физиологии, перейти и в план психологический. Это сказывается на общей ориентации исследования. И чисто физиологическое изучение функционирующего органа чувств не может обойтись без привлечения ощущений, но в собственно физиологическом исследовании ощущения являются лишь индикатором, лишь субъективным показателем объективного состояния органа, его чувствительности – возбуждения и возбудимости; в психологическом исследовании самые ощущения являются объектом изучения, причем ощущения берутся не только в их функциональной зависимости от органа, но и в их отношении к предмету, качества которого они отражают. В отличие от чисто гносеологической трактовки ощущения, которая рассматривает его лишь в его отношении - адекватном или неадекватном - к предмету, психология берет ощущение в его многообразном опосредовании всей жизнью личности. Психологическое исследование имеет, таким образом, дело не только с «раздражителем», но и с предметом, и не только с органом, но и с человеком. Этой более конкретной трактовкой ощущения в психологии, связывающей его со всей сложной жизнью личности в ее реальных взаимоотношениях с окружающим миром, обусловлено особое значение психологического и психофизиологического, а не только физиологического исследования для разрешения вопросов, связанных с нуждами практики.

Не меньшее значение имеют психологические исследования для обучения и подготовки кадров военных специалистов, особенно в технических, специальных родах войск, прежде всего в авиапии.

Существеннейшие теоретические предпосылки для успешного разрешения психологических проблем, связанных с обучением различным видам деятельности, созданы за последнее время в советской психологии новым подходом к психологическому изучению деятельности. Опираясь на анализ психофизических функций, психологическое исследование, однако, не исчерпывается им. Переходя к изучению деятельности, психологическое исследование включает еще новую систему понятий: цели, которую осуществляет действие, мотивов, из которых оно исходит, операции, т. е. зависящего от условий, в которых протекает деятельность, способа его осуществления и т. д., – и ставит себе задачу раскрыть психологическое строение действия и исторически изменяющейся закономерности его протекания. Эта последняя задача осуществляется генетическим анализом психологического строения деятельности.

Вместо того чтобы исходить из будто бы односторонней зависимости протекания психического процесса или деятельности от якобы неизменных, раз и навсегда фиксированных механизмов, которые определяют деятельность, сами не определяясь ею, этот генетический анализ вскрывает двустороннюю, взаимную связь между ними. Поскольку определенные механизмы сложились, они определяют в той или иной мере протекание деятельности, но и сами они в

свою очередь определяются ею, складываясь в зависимости от ее протекания. Так, по мере того как мы формулируем нашу мысль, мы и формируем. Система операций, которая определяет строение мыслительной деятельности и обусловливает ее протекание, сама складывается, преобразуется и закрепляется в процессе этой деятельности. Подобно этому некоторые автоматизмы всегда включаются в каждую практическую деятельность и обусловливают ее протекание, но самые эти автоматизмы, по крайней мере более сложные из них, в свою очередь вырабатываются и фиксируются в ходе этой деятельности. Таким образом, изучение протекания деятельности, в ходе которой преобразуется ее строение, открывает путь для изучения и этого последнего. Такой генетический анализ, как бы просвечивая изменяющееся в ходе деятельности ее психологическое строение, позволяет наиболее рационально практически ее построить в ходе обучения.

В этой связи новое освещение получает сейчас и практически очень существенный вопрос о навыках. Он имеет особенно большое значение в обучении кадров для таких специальностей, как, например, авиация, где особенно важны не только знания, но и автоматизированные уменья. Именно потому, что навыки должны функционировать автоматически, особенно недопустимо, чтобы они образовывались случайно, вслепую, без сознательного руководства, основанного на понимании подлинных психологических механизмов их образования. Всякая конкретная человеческая деятельность строится на сложившихся в результате предшествующего развития уже наличных автоматизмах, которые, включившись в действие, определенным образом организуются и реорганизуются в нем. Вместе с тем в процессе овладения действием складываются и новые, более сложные автоматизмы. Для понимания процесса обучения более непосредственное значение имеют эти последние навыки, вырабатывающиеся в процессе овладения действием. Если навыки, более или менее сложные автоматизмы, сложившись, обусловливают протекание действия, то и сами они формируются в процессе выполнения действия.

Всякий сложный навык в человеческой действительности это по существу, автоматизированный способ выполнения того или иного сознательного действия. Включившись, он функционирует автоматически, но самое его включение связывается всегда с теми или иными условиями задачи, разрешаемой действием, в котором сложный навык вырабатывается. Поэтому навык, степень его гибкости, легкости переноса соответственно ситуации не могут не зависеть от того, насколько адекватно, дифференцированно и обобщенно осознаются условия, с которыми, как своеобразными ключами, связано включение навыка.

Эта трактовка навыка, существенно отличающаяся от установившейся в традиционной (в частности американской) педагогической психологии, которая сводит его к механическому сцеплению реакций, открывает широкие возможности для большей эффективности обучения вообще и военному делу в частности. В процессе обучения происходит не только тренировка уже наличных у индивида данных, но и образование навыков, не только проявление уже наличных свойств индивида, но и их формирование. Московским государственным институтом психологии организована эта работа применительно к обучению летного состава нашей советской авиации (проводится Е. В. Гурьяновым). Психолог и летчик-инструктор ведут в летной школе плечом к плечу совместную работу одновременно по обучению летчиков и по изучению путей их формирования. Плодом этой работы явилось новое руководство по первоначальному обучению летных кадров нашей авиации.

Овладением специальными техническими навыками, конечно, не исчерпывается проблема подготовки к военной деятельности; не исчерпываются ими также и вопросы, которые встают в этой связи перед психологией. К числу этих последних относятся также вопросы вождения войск, уменье разрешать тактические и стратегические задачи (этому вопросу в Институте психологии посвящено исследование профессора Б. М. Теплова «Ум полководца»), а также вопросы эмоционального поведения бойцов, психологические вопросы дисциплины и воли, воспитания воинского духа и т. д.

В теснейшей связи с обучением должна быть поставлена и проблема отбора людей для технических военных специальностей и изучение их способностей. Выявление индивидуальных особенностей людей и тщательное их изучение – дело необходимое и чрезвычайно важное для

рационального их использования в армии, как и вообще в жизни, на работе, в производстве. Однако, выдвигая вопрос о психологическом изучении людей, не следует реставрировать тестологию и прежнюю психотехнику, т. е. ту практику обследования, в которой изучение, основанное на психологическом исследовании, подменялось механической штамповкой людей на основе стандартизированных тестов. Сам по себе результат – решение или нерешение теста – без психологического анализа процесса, который к нему приводит, не дает еще достаточных оснований для заключения о психологических свойствах личности. Далее, только в отношении элементарных психофизиологических функций (острота зрения, чувствительность ночного видения и т. п.) можно на основании однократного обследования установить такие устойчивые особенности человека, которые дают основание для того, чтобы производить отбор людей и – в случае необходимости – их отсев. Более же сложные психологические особенности изменчивы: они преобразуются в процессе обучения, и изучать их надо в более или менее длительном процессе их формирования и развития, в ходе рационально организованного обучения. Для выявления пригодности людей к тому или иному делу, в том числе и к той или иной военной специальности, надо их изучать, обучая, и обучать, научая.

Правильное решение вопроса об отборе и рациональном, распределении людей, открывающее максимальные возможности не только для использования, но и для развития их способностей, опирается на выше сформулированное новое понимание путей развития и формирования психических особенностей личности — способностей, характерологических свойств, — которое наметилось в советской психологии.

* * *

Великая Отечественная война, которую наш советский народ ведет против фашистских захватчиков, – это война всего народа. В ней участвуют миллионы людей, часть которых выходит из нее с теми или иными ранениями. Восстановление бое- и трудоспособности раненых бойцов является задачей огромного практического значения. Советские психологи включились в эту работу. Единство теоретической работы по исследованию нарушенных функций и практической работы по их восстановлению, вообще изучения, познания и воздействия, которое еще до войны было выдвинуто в советской психологии как основной методологический принцип ее методики, о чем мы уже говорили выше, является, по существу, основным нервом всей этой восстановительной работы. Работа была развернута прежде всего в специальном восстановительном госпитале (в Кисигаче Челябинской области – в филиале Всесоюзного института экспериментальной медицины) группой психологов во главе с А. Р. Лурия, которому принадлежит инициатива в развертывании этой новой формы работы психолога. Восстановительный госпиталь был создан затем под руководством Леонтьева (в Коуровке Свердловской области – в филиале Московского государственного института психологии). Обе эти восстановительные клиники работают в полном контакте, причем в первой концентрируется восстановительная работа после поражения центрального, во второй – периферического характера. Аналогичная работа ведется в ряде других мест различными работниками-психологами: Ананьевым, группой Узнадзе, А. Я. Колодной (Московский институт мозга), Коганом и др.

Восстановительная работа психологов приобретает особенное значение, во-первых, при мозговых травмах, влекущих за собой нарушение речевых и мыслительных функций, и, во-вторых, при восстановлении двигательных функций руки, нарушенных вследствие центральных и периферических поражений. Возможность активного и плодотворного вмешательства психолога в разрешение этих задач обусловлена рядом принципиальных положений, к которым пришла наша психология еще до того, как началась война и развернулась восстановительная работа в госпиталях. Связь между строением и функцией — как показывает изучение развития — не односторонняя, а двусторонняя, взаимная. Выявившееся в ходе развития, это положение должно проявиться и в процессе восстановления, которое тоже является своеобразным процессом развития — в особых условиях, созданных поражением органа. Поэтому восстановление функции, выполнявшейся органом до его поражения, не следует рассматривать как лишь пассивный результат регенерации органа; поскольку одна и та же функция может осуществляться в результате изменяющихся систем нервных импульсов, связанных с территориально различными участками, то в

ряде случаев должно стать Возможным восстановление функции органа, если не в прежнем, то в перестроенном, но однородном виде, не дожидаясь, пока произойдет полная регенерация органа. При этом восстановление функции, в какой-то мере опережающее регенерацию тканей, в свою очередь должно стимулировать регенеративные процессы.

Далее: так как элементарные психофизиологические функции в ходе развития сами формировались, а не только проявлялись в конкретных формах предметной деятельности — внутри их и в зависимости от них, то встает задача и открывается перспектива и в восстановительном процессе идти не только от восстановления психофизиологической функции к конкретному акту практической (или теоретической) деятельности но и обратно — от восстановления тех или иных видов деятельности, идти к более быстрому восстановлению соответствующих функций. Конкретный же более или менее сложный акт человеческой деятельности — это целенаправленное действие, исходящее из тех или иных мотивов. Он предполагает многообразную и тонкую психологическую мотивацию, связанную с более или менее глубокой перестройкой личностных установок. Эти положения, получившие развитие и обоснование в современной советской психологии, дают теоретические предпосылки для практически сейчас — в условиях Великой Отечественной войны — исключительно важной восстановительной работы, в ходе которой они подлежат реализации и проверке.

Особо трудной и на первый взгляд проблематичной должна была представляться возможность восстановительной работы в тех случаях, когда пораженным оказывается кортикальный аппарат, мозг. Здесь очень ограничена возможность как регенеративных процессов при сколько-нибудь значительных поражениях мозговой ткани, так и функциональной компенсации, которые при периферических поражениях осуществляются мозгом. Однако ряд наблюдений (профессор Лурия в Кисигачском восстановительном госпитале, а затем также и ряд других — Ананьева, Колодной и др.) показывает, что и при мозговых травмах возможно восстановление функции в результате систематического и целенаправленного переобучения и в тех случаях, когда оно самопроизвольно не наступает. В этом случае речь идет не о простом воссоздании функции в ее прежнем виде, а о перестройке ее на основе новой функциональной системы.

В деле восстановления мозговых функций практически и теоретически очень существенной проблемой является восстановление функции речи, нарушенной в результате травматических поражений головного мозга. Накапливаемый сейчас советскими психологами опыт показывает, что и здесь восстановительная работа далеко не так бесперспективна, как это представлялось раньше. Для того чтобы быть успешной и не ограничиваться обычными логопедическими упражнениями, работа, направленная на восстановление речи, должна основываться на выявлении того, какое именно звено в сложном механизме речи собственно является пораженным при различно локализированных поражениях мозга. В зависимости от того, каков первичный источник нарушения речи, должна будет строиться и работа по ее восстановлению. Правильная квалификация психологической природы нарушения речи в каждом конкретном случае существенно важна для восстановительной работы.

Так, в одном случае сложного нарушения речи — при поражении заднего отдела височной области и нижней теменной дольки — психологический анализ в ходе восстановительной работы показал, что основным механизмом расстройства речи явилось нарушение оптической структуры букв и слов: ошибки в дифференциации и звукового состава слова (фонематические ошибки) наблюдались значительно реже оптических и в процессе восстановительной работы оказались значительно менее устойчивыми. Поэтому восстановительная работа в данном случае было сосредоточена на восстановлении путем специальных конструктивных аналитических приемов восприятия оптической структуры букв и слов, нарушение которых оказалось ведущим механизмом поражения в данном случае. Она привела к полному восстановлению речи, всех ее форм и функций. В другом случае у раненого с поражением теменной и центральной областей, давшего сложную картину афатических, аграфических, алексических и апраксических расстройств, в результате психологического исследования в ходе восстановительной

работы в качестве основного, наиболее пораженного звена явилось расстройство речевых координаций при меньшем поражении зрительных представлений о словах и буквах. Поставленная ходом восстановительной работы перед больным задача овладеть громкой речью вызывала спонтанные попытки опереться на зрительный образ слова и этим облегчить себе его произнесение. Он жестом просил экспериментатора написать слова, которые он должен был произнести, или стремился их написать сперва, чтобы, глядя на них, облегчить себе их произнесение. Поэтому восстановительная работа направлялась, опираясь на более сохранное звено зрительных образов слов и букв, на восстановление координации речевых движений путем выработки навыка одновременного письма, чтения и произнесения слов и букв. Она привела к частичному восстановлению речи (из опыта восстановительной работы Колодной в Институте мозга: «Опыт работы по восстановлению речи при афазиях вследствие огнестрельных ранений большого мозга» — неопубликованная статья).

Исследования Ананьева обнаружили значение психопатологических методов для квалификации природы функциональных нарушений при воздушных контузиях и вообще закрытых травмах головного мозга. Эти исследования дали интересные результаты в отношении связи оптико-пространственных расстройств с явлениями словесной слепоты и нарушениями письменной речи.

Основываясь на правильной квалификации психологической природы речевого нарушения, восстановительная работа в свою очередь может привести к более глубокому и верному выявлению природы дефекта. Восстановительная работа, помимо своего практического значения, имеет поэтому также и значение теоретическое, познавательное. Патопсихологический материал, связанный с мозговыми ранениями, который доставляет современная война, становится по своему значению особенно ценным источником психологического познания, если не ограничиваться его регистрацией и более или менее спекулятивной интерпретацией, а раскрыть его в процессе воздействия на него в ходе востановительной работы.

Как известно, в прошлую мировую войну Г. Хэд в Англии, А. Гельб и К. Гольдштейн в Германии именно на материале военного времени, интенсивно ими использованном, построили новое учение об афазии, оказавшее глубокое влияние на психологию речи³ и на философию4. Притом это влияние было, конечно, взаимным. Использованные для экспериментального клинического обоснования ряда идеалистических концепций в психологии и философии, эти патопсихологические исследования сами в действительности исходили из определенных идеалистических теорий, которые они и спроецировали в клинику, преломляя их сквозь призму клинического материала. Пришедшие на смену наивно сенсуалистическим, ассоционистским концепциям речи и мышления, эти идеалистические теории, оперирующие нерасчлененными и нелокализируемыми «символическими» и т. п. функциями, оказываются, также как и концепции, которым они пришли на смену, в клинике столь же несостоятельными и в общетеоретическом плане. Перед советской психологией здесь сейчас открывается большая задача: в клинической практике, которая должна принести восстановление речи многим жертвам фашистской агрессии, включая их снова в жизнь, в человеческое общение, вместе с тем разработать на практике проверенное конкретное учение о речи и мышлении на новых, наших методологических основах.

Практически еще большее значение, чем восстановление речи, в системе восстановительной работы приобретает восстановление двигательных функций руки после очень распростаненных периферических поражений. Оно непосредственно направлено на восстановление трудо- и боеспособности бойцов нашей Красной Армии. Наиболее эффективные практические пути для разрешения этой столь важной государственной задачи теснейшим образом связаны с исходными теоретическими положениями советской психологии. Из всей системы сюда относящихся положений три идеи имеют специальное значение для психологической работы по восстановлению движений руки: 1) признание предметного характера основных движений человеческой руки, 2) генетический подход, выделяющий различные ступени, или уровни, ее движений, 3) теснейшая взаимосвязь между познанием психологической природы нарушенных движений и процессом их восстановления.

В ходе работы лаборатории психофизиологии движения Института психологии (руководитель профессор А. Н. Леонтьев) определенно выяснилось, что анатомические изменения органа, которые наблюдаются у раненых, приводят к функциональным изменениям, заключающимся в изменении характера афферентации — идущих от периферии сенсорных сигналов, управляющих движением. С этими функциональными сдвигами, вызывающими нарушение автоматической управляемости движений (навыков) посредством афферентации определенного уровня, а не с одним лишь анатомическим дефектом самим по себе, и сталкивается процесс восстановления. Восстановление функций раненой руки является поэтому не просто «привыканием» руки в результате повторения к утраченным движениям, а функциональной реорганизацией движения, 'Связанной с перестройкой аффентации, управляющей этим движением.

Работа, направленная на восстановление нарушенных у больного движений руки, показала, что движение-подъем руки на определенную высоту, — невозможное для больного, когда ему предлагалось поднять ее до такой-то точки, оказывалось выполнимым, как только ему предлагалось взять предмет, находящийся на той же самой высоте.

Оказалось, что когда изменяется задача, разрешаемая данным движением, и отношение к нему со стороны субъекта — его мотивация, составляющая внутреннее, психологическое содержание движения, то изменяются также неврологический уровень и механизмы движения. Таким образом, изучение движения в процессе его восстановления конкретизировало (намеченную в не опубликованном еще исследовании Н. А. Бернштейна) трактовку движения как подлинного психофизиологического единства. Тем самым преодолеваются ходячие, насквозь пропитанные традиционным дуализмом вульгарные представления, согласно которым психологические моменты в человеческой деятельности являются внешними силами, извне управляющими движением, а движение рассматривается как чисто физическое образование, для физиологической характеристики которого будто бы безразличен тот психофизический контекст, в который оно включено.

При этом практика восстановительной работы обнаружила разнородность различных видов движений по их психофизиологическим свойствам и подтвердила то положение, что наиболее «естественным» для человеческой руки, исходным и потому наиболее доступным является предметное движение. Поэтому к восстановлению двигательных функций руки целесообразно идти через предметное действие.

Психофизиологические функции, как показывает исследование путей их развития, формируются внутри сложных целенаправленных процессов и в зависимости от них; они не только проявляются, но и формируются в ходе конкретной, предметной, практической деятельности. Их восстановление должно поэтому совершаться наиболее успешно не только путем изолированного упражнения, но и путем выполнения осмысленной, целенаправленной деятельности, в которую данная функция включается как элемент. Самая же эта деятельность существенно зависит от того, как относится к ней человек, как он осознает ее цели и общественное значение. Не приходится отождествлять восстановление трудоспособности с восстановлением физиологической функции, поражение которой повлекло за собой нарушение трудоспособности раненого. Восстановление трудоспособности, нарушенной каким-нибудь местным анатомо-физиологическим поражением, одновременно и требует и дает значительно больше, поскольку оно предполагает перестройку целого ряда установок раненого и совершается в виде сложного процесса вхождения в работу, сопряженного с применением к условиям, создаваемым наличием дефекта и необходимостью активного преодоления связанных с этим трудностей. Активное включение в осмысленный, общественно значимый труд, и предполагая и порождая изменение отношения человека к своему дефекту, в то же время оздоровляюще действует на весь его моральный облик.

Из этих положений вытекает целая программа действий. Она была разработана группой сотрудников Института психологии во главе с А. Н. Леонтьевым в ходе работы, которую Институт развернул в восстановительном госпитале в Коуровке.

К проблеме по восстановлению трудоспособности раненых бойцов, к задачам восстановительной трудотерапии тесно примыкает другая большая государственная задача — переобучение инвалидов Великой Отечественной войны, — связанная с подготовкой кадров для промышленности и вместе с тем с включением в полноценную трудовую жизнь и мирное строительство людей, которые выполнили свой долг перед родиной на поле битвы и не в состоянии продолжать свою прежнюю профессиональную работу. Связанная с изысканием способов овладения новыми трудовыми навыками и изменением личностных установок, она открывает общирное поле для большой психолого-педагогической работы. Разрешение этой задачи будет иметь существенное значение и для послевоенного периода.

* * *

Великая Отечественная война выдвинула наряду с вышеперечисленными также другие проблемы большого идеологического плана. Среди них острейшая — вопрос о моральных мотивах поведения. Проблемы воспитания чувства долга, ответственности, внутренней дисциплины, способности так отнестись к общественно значимому, чтобы оно стало личностно-значимым для человека и послужило ему внутренней опорой в испытаниях, которые несет с собой война, и в строительстве новой жизни по ее окончании, — таковы самые жгучие вопросы. В их разрешении работа психолога должна будет сыграть существенную роль.

Великая Отечественная война открыла в сердцах советских людей источники невиданного мужества и небывалого героизма. Эти качества сформировались, раскрылись, воспитались в самом ходе Великой Отечественной войны под воздействием великих целей этой войны и осознанной советскими людьми необходимости бороться за их осуществление. Но до войны не всегда делалось все необходимое, чтобы уже с детства формировать эти качества. Для того чтобы создать необходимые предпосылки для правильного разрешения этой большой, ответственнейшей педагогической задачи, нужно существенно пересмотреть многие традиционные представления старой психологии, которые в свою очередь были связаны с философскими позициями, служившими для этой психологии отправными пунктами. Те психологи, которые, преодолевая господствовавший до того в психологии бездейственный, созерцательный интеллектуализм, сводивший сознание человека к одним лишь представлениям и идеям, стали в начале XX столетия вскрывать динамический аспект психики, увидели одни лишь органические потребности и элементарные чувственные влечения. Лишь к ним одним они свели все выступающие в качестве мотивов динамические тенденции человеческого поведения (биологические учения о потребностях Э. Клапареда и др.; учение З. Фрейда о влечениях; многочисленные, ставшие очень популярными учения об инстинктивных тенденциях - «горме» В. Мак-Даугола и д. д.). Мотивы морального порядка, связанные с общественно значимыми, с должным, вовсе выпали из поля зрения психологии на том основании, что психология изучает реальные мотивы поведения, а должное относится к морали, к идеологии, к сфере идеального, а не реального.

Как ни парадоксально это кажется на первый взгляд, но приходится признать, что эта наивно и грубо натуралистическая позиция психологии в учении о мотивах человеческого поведения была, по существу, ничем иным, как оборотной стороной учения идеалистической философии платоновского либо кантианского и неокантианского толка о трансцендентности должного. Внешне противопоставленное индивидуальному сознанию, должное, моральное, общественно значимое именно поэтому выпало из поля зрения психологии и было вынесено за пределы психологической реальности и психологического изучения. Вместе с тем неизбежно из поля зрения психологии выпало изучение процессов, посредством которых осуществляется действие моральных мотивов, и пути, которыми идет развитие и совершается формирование моральных свойств личности. В сфере психологического исследования остались лишь органические потребности и влечения. В действительности такое внешнее противопоставление органически обусловленных личностных мотивов и мотивов общественных должно быть снято. Основной путь для преодоления их внешнего противопоставления заключается в выяснении генезиса новых, специфически человеческих форм мотивации. Специфически человеческие, общественные, моральные мотивы поведения должны быть поняты в их

качественном своеобразии, но не в отрыве от органически обусловленных потребностей и влечений. Не вдаваясь в специальное рассмотрение этого вопроса, можно здесь лишь указать на то, что самый факт общественной жизни и общественного разделения труда закономерно, с внутренней необходимостью приводит к тому, что деятельность человека направляется непосредственно на удовлетворение не собственных, личных его, а общественных потребностей.

Для того чтобы были удовлетворены его потребности, человек должен сделать прямой целью своих действий удовлетворение общественных потребностей. Таким образом, цели человеческой деятельности отвлекаются от непосредственной связи с его личностными потребностями, и — пусть сначала косвенно, опосредованно — значимое для общества начинает определять поведение человека. Здесь в принципе заключен переход к новым, специфически человеческим формам мотивации, одновременно и генетически связанным с органически обусловленными потребностями и качественно от них отличными. Через свою общественно организованную деятельность человек становится членом и представителем общественного целого: общественные мотивы становятся личными его мотивами, поскольку сам он становится членом и представителем коллектива. Он поднимается, таким образом, над планом одного лишь органического существования и включается в план общественного бытия.

С этим новым планом общественного бытия связаны новые, чисто человеческие формы поведения и мотивации. Характер и действенная сила моральных мотивов обусловлены формами общественной жизни и отношением к ним индивида. Общественно значимое, становясь личностно-значимым и вовсе не переставая из-за этого быть общественно значимым, порождает в индивиде реальные тенденции и силы величайшей действенности. Неоспоримые, ставшие почти повседневными факты беспримерного героизма советских людей, защищающих на фронте нашу родину против фашистских захватчиков, показывают нам повседневно, как общественно значимое, становясь личностно-значимым для человека, порождает в нем как нельзя более реальные, властные силы, более мощные, чем любые личностные влечения, силы, отличные от них по своему содержанию, источнику и значению, но аналогичные по своему динамическому эффекту. Задача психологии в этой связи – одна из величайших ее задач – изучить: а) как зарождаются и действуют эти моральные мотивы, как индивид поднимается от только личностного к общественно значимому и как общественно значимое становится личностнозначимым для него и б) каким образом в процессе развития личности эти мотивы выступают и в качестве результата и качестве предпосылки формирования моральных качеств личности.

Проблема мотивов человеческого поведения выдвигается поэтому сейчас как одна из важнейших проблем советской психологии. Вокруг нее сосредоточиваются все глубочайшие проблемы воспитания в их психологических предпосылках и источниках. В нее же упирается и вопрос о поведении бойца на поле битвы. С той же проблемой оказывается так или иначе связанной восстановительная работа с раненым бойцом, поскольку возвращение его в армию, на фронт после более или менее длительного выключения из боевой обстановки и жизни в госпитале на положении больного, окруженного специальным уходом и заботой требует серьезной перестройки всего строя мотивации, обусловливающего общую жизненную установку. В известной мере аналогичной перестройки требует и включение в трудовую жизнь инвалидов, у которых во время их вынужденного выключения из трудовой жизни могут порой сложиться некоторые иждивенческие тенденции и установки. В проблеме же мотивов центральным, узловым оказывается вопрос о психологии и идеологии, о психологии и морали, о взаимоотношении общественного и личностно-значимого.

Повседневный опыт Великой Отечественной войны в полном согласии с теоретическим размышлением учит тому, что так же как общественное и индивидуальное в плане бытия не представляют собою антитезы внешних, несовместимых противоположностей, так же как они вообще объединены в человеке, поскольку человек — это общественный индивид, так точно общественно и личностно-значимое объединяются в сознании индивида; значимое для личности никак не сводимо к только личностному.

Единство общественного и личного достигается в действительности, конечно, не просто спекулятивными рассуждениями. Оно предполагает реальную перестройку общественных отношений. Необходимые объективные предпосылки для реализации этого единства общественного и личностно-значимого в сознании каждого советского человека созданы Великой Октябрьской революцией, сломавшей общественный строй, построенный на классовой эксплуатации и личной конкуренции, и советским строительством, осуществившим в нашей стране новые общественные отношения социалистического строя. Именно эта перестройка реальных общественных отношений обусловила то действительное единство общественного и личного, которое так действенно проявилось в героическом поведении стольких советских людей на фронте и в тылу в дни Великой Отечественной войны.

Фашистские демагоги неустанно кричат о том, что все личное должно быть подчинено интересам целого, но они при этом приноравливают все свои «идеологические» построения как раз к тому, чтобы сохранить общественный строй, основанный на жесточайшей эксплуатации и острейшем антагонизме интересов, строй, в котором ни о каком подлинном единстве личного и общественно значимого не может быть и речи, в котором вообще нет места для морали. Именно в этих политических целях они и строят свое биологизаторское учение об общности, заложенной в крови и расе, в породе: таким образом, они хотят добиться того, чтобы люди отдали себя на заклание во имя «целого», между тем как общественная природа этого «целого» вся приноровлена к подавлению всего подлинно-человеческого в человеческой личности.

Лишь в условиях социалистического общества общественно значимое действительно может стать и фактически каждый раз становится личностно-значимым, не переставая при этом быть общественно значимым. Но здесь между ними достигается/подлинное единство. Между тем идеалистическая философия метафизически противопоставила их. Разрывая единство переживания и знания, она ограничила сознание сферой субъективного переживания. Превращенное в потустороннее, «трансцендентное» по отношению к сознанию, «идеальное бытие», объективное знание оказалось вне сознания. Соответственно этому вообще всеобщее было внешне противопоставлено индивидуальному сознанию и выключено из него; общественно значимое было внешне противопоставлено личностно-значимому и последнее сведено к только личностному. Мораль как идеальное долженствование, была внешне противопоставлена реальным побуждениям человека, так что морального порядка силы оказались выключенными из них. Так, шаг за шагом, осуществлялось опустошение человеческого сознания и плодились внешние метафизические антитезы, которые завели философско-психологическую мысль в тупик.

Внешнее противопоставление моральных идеологических факторов природным побуждениям человека выключило эти моральные факторы из сферы реального бытия человеческой личности. Фашизм использовал это опустошение человеческого существа, чтобы сначала выдвинуть и закрепить в своей теории и практике представление о человеке как животном – высшей или низшей породы, – живущем примитивными природными инстинктами, заложенными в крови и расе. Затем самую идеологию фашизм объявил лишь «теоретическим оформлением» витальных функций расы, разнузданным инстинктом человека-зверя определенной породы, не знающего иного закона, как удовлетворение своих апетитов и — в отношении фашистской идеологии — можно признать, что так оно и есть. Таким образом, сначала силы морального, идеологического порядка, которые составляют самое человеческое в человеке, были выключены из него, а затем самая идеология была превращена в отражение человеческой природы, лишенной всего подлинно человеческого. Преодоление не только этого чудовищно опустошенного и изуродованного представления о человеке и его сознании, но и всех тех теоретических предпосылок, на основе которых оно могло сложиться, — одна из актуальнейших задач теоретической мысли.

Значение больших, идеологически значимых, теоретических проблем, как-то: проблема сознания и его развития, психологии и идеологии, т. е. психологического и логического в области мышления и речи, психологии и морали, в области мотивов поведения и т. д. — значение этих проблем в условиях борьбы с фашизмом не только не уменьшается, но наоборот, еще возрастает, и в работе советских психологов (в частности, в плане Государственного московского института психологии) этим проблемам отводится подобающее место.

Новое значение и особую актуальность в условиях Великой Отечественной войны приобретает и история отечественной психологической науки – раскрытие ее самобытных черт, ее прогрессивных традиций и тенденций, органически связанных с передовыми тенденциями русской науки вообще и русской общественной мысли. Еще в последние предвоенные годы советские психологи начали уделять этой проблеме должное внимание. Сейчас разработка наследия крупнейших представителей русской психологической мысли (И. М. Сеченова, К. Д. Ушинского, А. Ф. Лазурского и др.) приобрела особое значение. Ей посвящен целый ряд диссертаций: большая работа Ананьева, охватывающая историю отечественной психологии до 90-х годов прошлого столетия, ряд работ о Сеченове (С. Е. Драпкиной, А. М. Золотарева), об Ушинском (Т. Таджибаева, Э. Л. Берковича), историографические работы Н. А. Рыбникова, А. М. Вульфович и др.

* * *

Грандиозное мирное строительство, которое должно будет развернуться в нашей стране после победоносного окончания войны, поставит ряд других задач. К этим задачам уже теперь надо готовиться. При разрешении этих задач мирного – хозяйственного и культурного – строительства роль психологии еще более возрастет. Во весь свой рост встанут также вопросы воспитания подрастающего поколения, при разрешении которых роль психологии особенно велика. Предстоит введение преподавания психологии в средней школе. Осуществляя его, надо будет подумать также о подготовке квалифицированных кадров психологов и о введении преподавания психологии в вузовскую подготовку целого ряда специалистов: врачей, особенно невропатологов и психиатров, юристов, особенно криминалистов, а также деятелей различных областей искусства и т. д. Для разрешения всех этих задач потребуется дальнейшее широкое развитие многообразных психологических — теоретических и экспериментальных — исследований. В целях координации всей этой работы в органической связи с общим планированием научной работы в нашей стране необходимо укрепить нашу психологию и организационно, создав авторитетный центр — естественнее всего в Академии наук СССР, — способный планировать эту работу во всесоюзном масштабе.

Великая Отечественная война явилась грандиозным испытанием для нашей страны, для всех областей советского строительства, в том числе и для советской науки. Наша Советская страна выдержала его с честью. Выдержала его и советская наука. В испытаниях Великой Отечественной войны наши ученые, исполненные духом подлинного советского патриотизма, еще ярче осознали все величие задач подлинно передовой науки и с еще большей энергией работают над их разрешением.

Примечание

- ¹ См.: Ученые зап. кафедры психологии Ленинградского государственного педагогического института имени Герцена. Л., 1938. Т. 18. Л., 1940-1941. Т. 34, 35, 36.
- ² Изучение чувствительности, зародившись в недрах физиологии, очень скоро перешло в план психологического изучения и психологических лабораторий. В США и по сегодняшний день изучение зрения, слуха, термической чувствительности и т. д. в качестве психофизиологических исследований органически включается в систему психологических знаний.
  - ³ См.: Н. Delacroix. «La pensee et le langage». Paris, 1930.
  - ⁴ E. Cassirer. Philosophic der symbolischen Formen, Bd. Die Sprache, Berlin, 1925.